
Юлия Лежнина

СЕМЬЯ ДЛЯ СРЕДНЕДОХОДНЫХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ: ТЫЛ ИЛИ РИСК?

В статье на данных мониторинга Института социологии РАН 2016 г., репрезентативных для населения России в целом, рассмотрены социально-демографические особенности среднедоходных слоев населения в целом и отдельных их подгрупп в частности. Особое внимание уделено характеристикам домохозяйств, выступающим факторами потенциальных рисков материального неблагополучия. Выделение среднедоходных слоев осуществлено в рамках относительного подхода к социальной стратификации – через сопоставление среднедушевых доходов индивидов со страновой медианой этого показателя. Продемонстрировано, что среднедоходные слои неоднородны по своему положению и «распадаются» на разные по уязвимости социальные группы. При этом именно между ними пролегает граница условного материального благополучия населения в целом. Нижний сегмент этих слоев, несмотря на то, что его представители обладают доходами, соответствующими условному «среднероссийскому» уровню, скорее балансирует на грани малообеспеченности, и чувствителен к социально-экономической нестабильности. Именно для этой группы социально-демографические характеристики, в первую очередь, высокая иждивенческая нагрузка и большая доля пенсионеров в составе домохозяйства оказываются дополнительными факторами риска. Верхний сегмент среднедоходных слоев населения заметно более благополучен не только в части доходов, но и характеристик, обеспечивающих относительно устойчивые позиции на рынке труда, что позволяет представителям этой группы наращивать ресурс прочности. Показано, что для обеих подгрупп среднедоходных слоев семья влечет дополнительный риск низкого материального статуса, в основном за счет иждивенческой нагрузки. Степень этого риска несколько сглаживается для нижней части группы за счет интегрированности

Юлия Павловна Лежнина – к. с. н., старший научный сотрудник, Институт социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия. Электронная почта: lezhnina@list.ru

в систему мер государственной социальной политики, а для верхней – общими ресурсами семьи, уровень которых в целом позволяет смягчать социально-экономическую нестабильность. При этом расширенная семья хотя и выступает ресурсом поддержки для среднедоходных слоев, но масштаб этой поддержки ограничен объективными возможностями родственных сетей и характером отношений. В этой связи потенциал соответствующей поддержки для нижнего сегмента среднедоходных слоев заметно ниже, чем для верхнего, что усиливает дифференциацию их положения в кризисных условиях.

Ключевые слова: среднедоходные слои, уязвимые группы населения, семья, иждивенческая нагрузка

DOI: 10.17323/727-0634-2017-15-3-435-452

Большие средние слои населения часто рассматриваются как источник стабильности и устойчивости общества. О каком бы социальном феномене ни шла речь – среднем классе или среднедоходных группах – на них примеряется роль стабилизатора социально-политической и экономической жизни общества, своеобразного «локомотива» прогрессивных социально-экономических и социокультурных изменений, активного субъекта социальной политики. При этом турбулентность социально-экономического пространства, с которой сталкивается наряду с остальными и эта, по сути, находящаяся «в середине» часть общества, зачастую повышает для нее риски и издержки сильнее, чем для других групп населения, т.к. средние слои редко попадают в число объектов социальной поддержки. Для оценки устойчивости социально-экономического положения средних слоев и понимания их потребностей необходимо представлять, каковы основные факторы их уязвимости.

Наиболее часто в качестве соответствующих рисков рассматриваются индивидуальные характеристики человека, отражающиеся на эффективности его встраивания в окружающую реальность: состояние здоровья, особенности социального, культурного и человеческого капитала и т.д. При этом семья индивида способна играть не менее важную роль, выступая как обременением, так и «страховкой» на случай ухудшения материального положения. Выявлению того, какую роль способна играть семья для среднедоходных слоев в России сегодня – риска или тыла – посвящена эта статья.

Среднедоходные слои: кто они?

Выделение средних (или промежуточных) слоев исключительно на основе доходов ограничивает возможности социологического анализа, но соответствует логике мероприятий социальной политики, т.к. именно доходы выступают основным индикатором нуждаемости. В научной

литературе оно реализуется в рамках различных подходов и методик. Для развивающихся стран, в которых «усредненное» положение связано с необходимостью бороться за физическое выживание, привычным является определение доходного статуса индивидов через соотнесение доходов с монетарной оценкой прожиточного минимума в стране. Для развитых стран, население которых сравнивает свое положение с неким социальным стандартом, точкой отсчета является «усредненный» доход. В связи с тем, что Россия в глазах мирового сообщества, при общем сохранении своего статуса страны с переходной экономикой, скорее относится к странам с доходами выше среднего уровня, именно такой – относительный – подход применим к ней в большей степени (Anikin et al. 2016).

Мировой опыт выделения средних слоев (среднего класса) на основе доходов в рамках относительного подхода достаточно богат. Возможно выделение в качестве таковых срединных процентилей населения по доходу в разных границах, но этот метод дает априори фиксированный размер групп, что ограничивает его использование при анализе элементов социальной структуры. Проблему решает соотнесение среднедушевых доходов домохозяйства со средним значением или медианой этого показателя. К среднему классу в рамках этой традиции относят обычно тех, чьи доходы «лежат вокруг» медианы доходов – в интервале от 0,75 до 1,25 медианы (Chauvel 2013; Pressman, Scott 2009; Pressman 2007; Birdsall et al. 2000; Thurow 1987).

Этот условно «механический» подход к определению среднего класса имеет различные модификации. Например, Энтони Аткинсон и Андреа Брандолини (Atkinson, Brandolini 2013) рассматривают 0,6 медианы доходов как черту риска попадания в бедность и определяют нижнюю границу доходов среднего класса как данную величину, увеличенную на 25 %, т. е. 0,75 медианы, для обеспечения «значительного превышения над чертой бедности» и ее высокими рисками. Логика выделения верхней границы, 1,25 медианы, не так очевидна, если не считать ее симметричность 0,75 по отношению к медиане. Обосновывая свой подход, авторы в основном апеллируют к удачному опыту использования такой границы другими исследователями (см.: Pressman 2007).

В рамках относительного подхода представлены и другие границы доходов средних слоев как прослойки между бедными и обеспеченными. В таблице 1 приведены сводные данные о соответствующем опыте. Эта традиция, как имеющая отсылку к некоторому условному стандарту для изучаемого социума, в наибольшей степени свойственна анализу доходной стратификации в развитых странах. При этом у исследователей не только нет единства в определении границ групп при выделении среднедоходных слоев, но зачастую отсутствует и аргументация позиции, что часто вызывает вопросы и критику. Также стоит отметить, что ряд исследователей (табл. 1), отмечает гетерогенность средних слоев.

Таблица 1

Границы доходов среднедоходных слоев в рамках относительного подхода на основе медианы в отдельных исследовательских работах, коэффициент мультипликации медианного дохода

<i>Авторы, год</i>	<i>Нижний СК</i>	<i>Средний класс</i>	<i>Верхний СК</i>	<i>География применения методики</i>
Blackburn и Bloom (1985)		0,60–2,25		США
Davis и Huston (1992)		0,5–1,5		США
Thurow (1984); Birdsall et. al. (2000); Pressman (2007); Pressman и Scott (2009);		0,75–1,25		США; 30 стран, в т.ч. с высоким доходом, с переходной экономикой и страны Латинской Америки; 11 развитых стран (LIS)
Chauvel (2013)	0,75–1,25		1,5–2,5	Франция, Италия, Норвегия, США
Grabka и Frick (2008)	0,7–0,9	0,9–1,1+ 1,1–1,3 ¹	1,3–1,5	Германия
Peichl et al. (2010)				Германия
Kangas (2001)				21 страна мира
Brzezinski (2010)				Польша
Atkinson and Brandolini (2013)	0,6–0,75	0,75–1,25	1,25–1,67	11 европейских стран, США, Канада, Тайвань, Мексика
Fry и Kochhar (2016)		2/3–2		США

* В связи с фокусом внимания различных авторов на разных социальных слоях и/или выделении структуры общества в различных конфигурациях, таблица имеет незаполненные ячейки – по позициям, оставшимися за рамками рассмотрения в соответствующих публикациях. Соотнесение доходных групп, выделенных различными исследователями с представленной в таблице классификацией произведено по усмотрению автора статьи, поскольку в самих работах использованы свои классификации.

Использование относительного подхода при выделении доходных групп в среде российских исследователей чаще строится на доходных децилях (Шевяков 2010) или квинтилях (Овчарова и др. 2017). Альтернативой этому подходу выступает определение границ доходных групп через мультипликацию прожиточного минимума (Можина 2001; Бобков 2009), что также встречается и в зарубежных исследованиях (Danziger et al. 1989; Hirschl et al. 2001). Наиболее приближенной к распространенной в западных исследованиях практике использования относительного подхода к выделению

доходных групп является исследование Людмилы Хахулиной и Милана Тучека середины 1990-х гг. (Хахулина, Тучек 1995), в рамках которого «социальная шкала дохода» строилась на базе среднедушевых доходов населения. К россиянам со средней обеспеченностью (уже не «нуждающимся») авторы относили тех, кто обладал доходом от 0,75 до 1,25, а к россиянам с относительным достатком (но еще не «обеспеченным») – от 1,25 до 2 среднедушевых доходов по выборке исследования. Вслед за ними в рамках статьи к среднедоходным слоям отнесены те россияне, для которых среднедушевой доход составляет 0,75–2 условных стандарта. Однако в качестве стандарта принимается не средний, а медианный показатель среднедушевого дохода по выборке, как это распространено в западной практике. При этом отдельно выделены нижний (0,75–1,25 медиан) и верхний (1,25–2 медианы) сегменты среднедоходных слоев.

Эмпирический анализ основан на данных четвертой волны мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН (ИС РАН), проведенной в марте 2016 г. (выборка в размере 4 тыс. респондентов репрезентирует взрослое население страны по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения)¹. Доходы нижнего сегмента среднедоходных слоев составляли 11 250–18 750 руб., а верхнего – 18 750–30 000 руб. Стоит отметить, что официальный прожиточный минимум в России в 1 квартале 2016 г. составил 9 776 рублей, что было равно 0,65 медианы согласно данным мониторинга ИС РАН. Это согласовывается с предложенной методикой выделения среднедоходных слоев, когда нижняя граница их доходов устанавливается немногим выше прожиточного минимума для отсека тех россиян, которые балансируют на грани бедности. При этом категории, отнесенные в рамках данной статьи к нижним среднедоходным группам, большинством западных исследователей могли бы быть рассмотрены как средний класс. При таком определении границ среднедоходных групп доля низкодоходных слоев (или неблагополучных в контексте данной статьи) населения составляла 36%, среднедоходные слои в совокупности составляли около половины, 57% (34% и 23% нижние и верхние соответственно), высокодоходные (или благополучные) – 7%.

«Середина» населения: золотая ли?

Доходы являются универсальным, но не всегда точным индикатором положения индивида. В этой связи промежуточный размер доходов анализируемой группы свидетельствует об ее относительной благополучности. Однако что же стоит за этими доходами, какой уровень жизни они обеспечивают россиянам? Как показал анализ данных мониторинга ИС РАН,

¹ В связи с тем, что данные нерепрезентативны по регионам, используется не региональная, а страновая медиана доходов.

две трети представителей среднедоходных слоев оценивают успешность своей жизни в целом удовлетворительно, а треть отзываются о ней как о хорошей. Для низко- и высокодоходных групп последний показатель равен четверти (26%) и половине (56%) соответственно¹. При этом верхний и нижний сегменты среднедоходных слоев практически не отличаются по восприятию жизни, хотя в оценке материального положения расходятся. Положительно свое материальное положение оценивают 17% представителей нижних и 26% верхних среднедоходных слоев (для низко- и высокодоходных слоев этот показатель равен 8 и 49% соответственно), а негативно – 21% и 11% соответственно (35% и 2% – для низко- и высокодоходных слоев соответственно). По 4% представителей обеих подгрупп среднедоходного населения говорили о плохих возможностях питаться и 6–8% – одеваться.

При этом большинство их представителей считают, что материальное положение за последний год перед опросом ухудшилось (62% и 54% соответственно). Это сближает их скорее с неблагополучными слоями, т.к. для россиян с доходами выше 2 медиан доминирующая оценка (57%) этой динамики позитивна. Оценка же перспектив изменения своего положения на ближайший год свидетельствует о наибольшей уязвимости нижнего сегмента среднедоходных слоев. Его представители оценивают их как худшие по сравнению с остальным населением: улучшения ожидали только 15% (18–23% для остальных групп), а ухудшения – 46% (29–43% для остальных).

Среди представителей нижней среднедоходной группы 44% говорят о том, что могут сами обеспечить себя и семью, и не нуждаются в поддержке со стороны государства, а 56% считают, что без поддержки со стороны государства им и их семьям не выжить. Уровень ориентации на собственные силы у этой группы оказался ниже общероссийского (48%), тогда как для верхней среднедоходной он не просто превышает его, но является характерным для ее представителей (55%). Впрочем, даже для этой группы доля зависящих от государства, как видим, высока.

Характер и источники доходов свидетельствуют о том, что представители разных сегментов среднедоходных слоев больше отличны друг от друга, чем схожи между собой. Так, для 70% семей нижнего их сегмента основным источником дохода является заработная плата (68% – для низкодоходных), в то время как для верхнего сегмента среднедоходных слоев и благополучного населения соответствующий показатель превышает три четверти (83% и 92%). При этом различная социальная помощь, включая пенсии и пособия, также входит в число основных источников

¹ Здесь и далее при сопоставлении различных групп использованные перекрестные распределения проверялись на предмет наличия взаимосвязи посредством критерия согласия Пирсона χ^2 на уровне значимости 0,05.

дохода практически для половины представителей нижнего сегмента среднедоходных слоев (44%), как и для неблагополучного населения (48%). Впрочем, в этих группах схожи и доли семей с неработающими пенсионерами (30% и 28% соответственно).

Представители нижней среднедоходной группы заметно старше остальных россиян: среди них максимальная доля населения в возрасте старше 60 лет – 26% (от 8 до 23% – для остальных групп) и минимальная доля россиян в возрасте до 30 лет – 21% при 26–33% – для остальных групп. Медианный возраст представителей этой группы равен 46,5 лет, в то время как для остальных – 39–41 год. Доля неработающих среди среднедоходных слоев (без учета пенсионеров) составляет 11–12%, что сближает их с более благополучными слоями населения, для которых этот показатель равен 10%, в то время как неблагополучное население не имеет работы практически в 2 раза чаще (19%). При этом профессиональный статус для представителей разных доходных групп дифференцирован. Так, на позициях руководителей разного уровня и специалистов заняты 15% неблагополучного населения, 25% нижнего и 35% верхнего сегментов среднедоходных слоев и 48% наиболее благополучного населения. При этом позиции рабочих занимают от четверти до трети представителей всех доходных групп. Подобные смещения обусловлены, в первую очередь, уровнем образования населения. Среднее специальное образование – наиболее распространенный тип образования для нижних среднедоходных слоев (41%) и неблагополучного населения (43%), в то время как высшее образование характернее для верхних среднедоходных (37%) и высокодоходных (50%) слоев.

Таким образом, та часть населения, которая по опыту большинства зарубежных стран имеет доходы, соответствующие доходам среднего класса, но составляет нижние среднедоходные слои, в российских условиях по уровню и стабильности материального положения ближе к неблагополучным, чем благополучным слоям населения. Их домохозяйства являются активными получателями социальных трансфертов, в первую очередь пенсий, а их благополучие в значительной степени обусловлено масштабами государственной социальной поддержки. Роль же условной «золотой середины» могут играть лишь те, кто формирует верхний сегмент среднедоходных слоев населения.

Социально-демографические особенности среднедоходных слоев

Уязвимость материального положения среднедоходных слоев населения в России отчасти связана с текущей экономической ситуацией в стране и ограниченным в настоящее время спросом на рабочую силу того уровня квалификации, который они могут предложить. Кроме того, их положение отягощается особенностями социально-демографической

ситуации: состоянием здоровья, пенсионным статусом, иждивенческой нагрузкой. Как было показано выше, в то время как верхние среднедоходные слои по возрастной структуре мало отличаются от остальных слоев, нижняя подгруппа среднедоходных слоев относительно старше и доля пенсионеров в ее составе сопоставима с аналогичным показателем низкодоходных групп. Неудивительно, что в этих условиях плохие оценки здоровья превысили 10% только у низкодоходных и нижних среднедоходных групп (20% и 15% соответственно, 4–8% – для остальных групп). Более того, кризис 2014–2015 гг. заставил треть их представителей (30%) сократить расходы на лекарства, лечение и медицинские обследования, что соответствует практикам материально неблагополучного населения (34%, для остальных групп этот показатель равен 13–17%). В целом же здоровье заметно лучше у высокодоходных слоев: среди них большая часть (52%) оценили его хорошо, в то время как остальные в основном оценивают свое здоровье как удовлетворительное (50–53%).

Впрочем, есть основания полагать, что дифференциация показателей здоровья между различными подгруппами среднедоходного населения еще больше, т.к. более половины (59%) нижних среднедоходных слоев проживают в сельской местности или районных центрах (75% низкодоходных слоев), в то время как среди верхних 54% проживают в мегаполисах и областных центрах (63% высокодоходных слоев). Относительная неразвитость медицинской инфраструктуры в небольших городских и сельских населенных пунктах ограничивает возможности диагностирования и лечения заболеваний, а соответственно негативно отражается на здоровье населения.

Таким образом, риски, связанные с возрастом, здоровьем, местом проживания актуальны, в первую очередь, для нижнего сегмента среднедоходных слоев российского населения и сближают его с низкодоходными слоями, проводя раздел между уязвимым и благополучным населением внутри самих среднедоходных слоев. Некоторым инструментом страхования таких рисков могут выступать ресурсы домохозяйства или родственной сети.

Для представителей разных слоев российского общества семья является терминальной ценностью (Лежнина 2016; Варламова и др. 2006; Митрикас 2004). Более того, создание семьи и рождение детей определяют жизненный успех для россиян (56%), немного опережая по значимости такие факторы как финансовое благополучие (54%), работу и бизнес (50%), самореализацию и проявление себя (45%). Для среднедоходных слоев населения ситуация принципиально не отличается, и семья для них также главенствует среди ключевых элементов жизненного успеха (56% – для верхних и 58% – для нижних среднедоходных групп).

Если говорить о семейной ситуации среднедоходных слоев населения, то стоит отметить, что из них больше половины состоят в браке (55–56%). Их доля выше, чем у высокодоходных групп, но ниже, чем у низкодоходных (49% и 63% соответственно). При этом нижние среднедоходные слои

в силу более старшего возраста чаще имеют в своем составе вдовых, реже холостых – 15 % и 15 % соответственно, чем верхние слои (5 % и 22 % соответственно). Количество совместно проживающих в одном домохозяйстве человек для среднедоходных групп (в среднем 2,65 и 2,62), с одной стороны больше, чем у благополучного населения (2,21), но, с другой стороны, заметно меньше, чем у неблагополучного (3,18). Отношения внутри семьи заметно лучше оценивали представители высокодоходных россиян: среди них 73 % отзываются о них как о хороших. Для среднедоходных слоев этот показатель равен 61–65 % (57 % – для низкодоходных групп). О плохих отношениях в семье говорят 3 % представителей каждой среднедоходной группы и 5 % – из низкодоходных.

Семья как фактор уязвимости

Несмотря на трансформацию семейных отношений и ослабление родственных связей, свойственных современным обществам, семья остается для россиян основным источником поддержки в сложных жизненных ситуациях. В случае серьезных трудностей они обращаются за помощью именно к родственникам (64 %) и лишь потом к друзьям, знакомым или коллегам (46 %). При этом для среднедоходных групп эти показатели соответствуют уровню общероссийских показателей (63–64 % и 44–49 % соответственно). Плохие отношения в семье снижают склонность россиян к обращению за помощью к родственникам. Так, при хороших отношениях в семье около двух третей (67–68 %) среднедоходных слоев (69 % низкодоходных) рассматривают родственников как ресурс помощи в сложной ситуации, а при плохих – 33 % и 48 % для нижней и верхней сегментов среднедоходных слоев (45 %). Подобная зависимость доступности помощи расширенной семьи от отношений не наблюдалась в среде высокодоходных слоев, для которых с ухудшением отношений в семье вероятность обращения к родственникам в случае серьезных жизненных трудностей увеличивалась с 56 % до 67 %. Это означает, что помощь родственников для среднедоходных слоев, как и для низкодоходных, несмотря на декларируемую значимость семьи как таковой, зависит от ситуационной атмосферы в ней.

Тем не менее обращение за помощью к родственникам и друзьям (18 %) является третьей по распространенности после экономии (54 %) и поиска дополнительного заработка (45 %) практикой преодоления затяжного ухудшения материального положения для нижних среднедоходных слоев (как и для низкодоходных – 24 %). При этом при плохих отношениях в семье этот показатель снижается до 9 %. Для верхних среднедоходных слоев такая стратегия, хотя и имела близкие показатели распространенности (19 %), но уже не входила в лидирующую тройку (экономия – 52 %, дополнительный заработок – 50 %), вытесненная стратегией смены места работы (22 %). Это свидетельствует об ограниченной доступности инструментов

решения материальных проблем, которые лишь отчасти можно квалифицировать как серьезные жизненные трудности, вне семейно-дружеского круга у нижних среднедоходных слоев. Впрочем, в российской реальности доступность этих сетей не стоит переоценивать: даже для 14% высокодоходных слоев помощь друзей и родственников рассматриваются как источник решения финансовых проблем. Обратной стороной того, что россияне могут обратиться к родственникам за помощью является необходимость поддержки членов расширенной семьи в случае необходимости. При этом по отношению к членам домохозяйства подобная поддержка является практически обязательством.

В связи с тем, что количество иждивенцев напрямую влияет на среднедушевой доход домохозяйств, неудивительно, что в среднедоходных группах иждивенческая нагрузка имеет показатели промежуточные по сравнению с нагрузкой низко- и высокодоходных групп. Так, средняя доля работающих в домохозяйствах верхних и нижних среднедоходных групп составляет 0,68 и 0,76 соответственно, в то время как у благополучного населения – 0,53 и 0,87 соответственно. При этом практически треть (29%) верхних и 42% нижних среднедоходных слоев имеют высокую или скорее высокую иждивенческую нагрузку. С нарастанием доходов снижается не просто количественная иждивенческая нагрузка, но сокращается ее разнородность. Так, среднее количество типов нагрузки из шести рассмотренных в рамках исследования (безработные, инвалиды первой и второй групп, хронически больные с ограниченной трудоспособностью без инвалидности, неработающие пенсионеры, неработающие студенты и несовершеннолетние дети) для низкодоходных групп равно 1,3, для нижних и верхних среднедоходных – 0,94 и 0,68 соответственно, а для высокодоходных – 0,4. Более одного типа иждивенческой нагрузки имеют 24% низкодоходных, 15% и 8% нижних и верхних среднедоходных соответственно и 4% высокодоходных слоев.

Несовершеннолетние дети – тот тип нагрузки, который не концентрируется в тех или иных доходных группах (как, впрочем, и неработающие студенты), но с увеличением доходов доля домохозяйств с несовершеннолетними детьми в составе семьи сокращается (табл. 2). В целом иждивенческая нагрузка представлена детьми в двух третях (29–36%) домохозяйств,отягощенных тем или иным ее типом вне зависимости от доходов. Этот тип нагрузки является самым популярным для всех, кроме домохозяйств нижних среднедоходных слоев, в которых наблюдается максимальная (40% среди имеющих иждивенческую нагрузку) доля домохозяйств с пенсионерами. Три и более детей проживают в основном в домохозяйствах низкодоходных россиян (6%): для остальных их доля незначительна. При этом нагрузка детьми является минимальной именно у среднедоходных слоев. Среди них доля домохозяйств с одним несовершеннолетним ребенком равна 74%, в то время как для менее и более благополучных слоев этот показатель составляет 60% и 69% соответственно.

Таблица 2

Характер иждивенческой нагрузки в домохозяйствах россиян из разных доходных групп, ИС РАН, 2016, %

	<i>Низко- доходные</i>	<i>Нижние средне- доходные</i>	<i>Верхние средне- доходные</i>	<i>Высоко- доходные</i>	<i>Население в целом</i>
Безработные	19	6	5	3	8
Инвалиды 1 и 2 групп	7	5	2	3	6
Хронически больные без инвалидности	1	1	1	0	1
Неработающие пенсионеры	42	39	21	12	28
Неработающие студенты	14	13	18	9	17
Несовершеннолетние дети	50	30	21	13	40
Справочно: нет таких иждивенцев	8	23	43	65	24

Среди россиян, проживавших с несовершеннолетними детьми 18 % имеют в составе своих домохозяйств еще и неработающих пенсионеров, которые так или иначе могут участвовать в воспитании детей, но по совокупности отягощают финансовую нагрузку работающих членов семьи. Нагрузка неработающими пенсионерами в максимальной степени представлена в низкодоходных и нижних среднедоходных слоях. При этом два и более пенсионеров проживали в 36 % домохозяйств низкодоходных слоев, 33 % и 22 % нижних и верхних среднедоходных слоев и 23 % высокодоходных слоев соответственно.

В целом можно выделить пять кластеров российских домохозяйств в зависимости от характера совокупной иждивенческой нагрузки¹: домохозяйства с нагрузкой (1) исключительно неработающими пенсионерами, (2) в основном детьми, (3) в основном студентами, (4) дифференцированной нагрузкой и (5) ее отсутствием (рис.1). При этом среди домохозяйств с нагрузкой детьми 16 % также имеют неработающих пенсионеров в своем составе; с нагрузкой студентами – 18 % проживают с пенсионерами и 29 % – с несовершеннолетними детьми; с дифференцированной нагрузкой – 67 % имеют в своем составе безработных, 31 % – инвалидов 1 и 2 групп, 7 % – хронически больных без инвалидности, 31 % – неработающих пенсионеров, 11 % – студентов и 40 % – несовершеннолетних детей.

Дифференцированная нагрузка не только разнообразна по своей структуре, но и отличается большими количественными значениями: для 44 %

¹ Типология построена при помощи двухшагового кластерного анализа, мера связности 0,7.

россиян с такой иждивенческой нагрузкой в их домохозяйствах она является высокой, а для 36% – скорее высокой. Для других типов нагрузки эти показатели совокупно составляли 53–65%. Наиболее часто дифференцированная иждивенческая нагрузка встречается у низкодоходных слоев (26%). Специфичным для нижних среднедоходных слоев населения является превалирование пенсионной нагрузки, которая имеет ресурсное обеспечение в виде пенсий, а для верхних среднедоходных – отсутствие ее четкого профиля: для этой группы населения нагрузка пенсионерами, студентами, несовершеннолетними детьми распространена примерно в равной степени.

Таким образом, в целом количественные параметры иждивенческой нагрузки сказываются на принадлежности россиян к той или иной доходной группе, но при этом общим для обеих подгрупп среднедоходных слоев является наличие иждивенческой нагрузки в домохозяйствах большинства их представителей. По характеру нагрузки положение низших среднедоходных групп относительно более сбалансировано за счет того, что соотношение нагрузки неработающими пенсионерами, т.е. поддерживаемой государственными социальными трансфертами группой, примерно соответствует суммарной нагрузке студентами и несовершеннолетними детьми, которая либо условно, либо совсем не подкрепляется инструментами социальной поддержки. Для верхних среднедоходных слоев перекоп в сторону последних компенсируется за счет ресурсов домохозяйства.

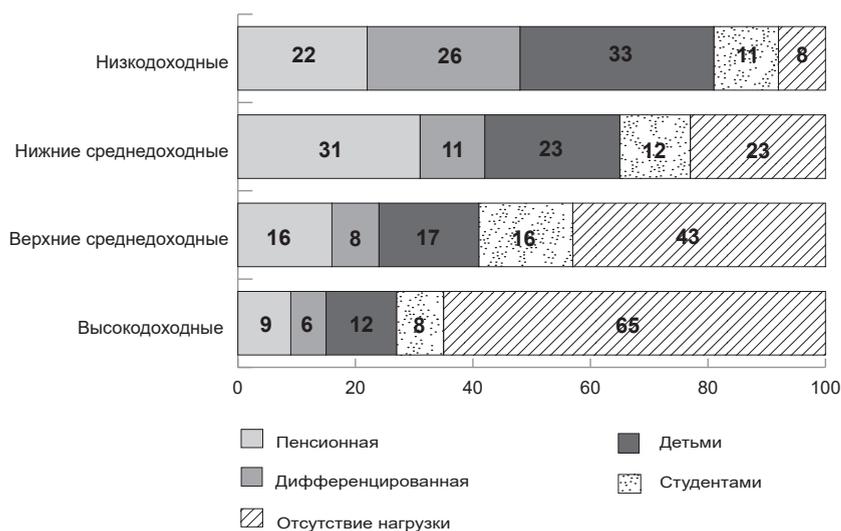

Рисунок 1. Распространенность домохозяйств с разным характером иждивенческой нагрузки в разных доходных группах, ИС РАН, 2016, %

Заключение

Подводя итоги, стоит отметить, что анализ положения среднедоходных групп как определенного индикатора состояния общества демонстрирует наличие существенных проблем у представителей этой, казалось бы, благополучной части населения. Более того, те слои, которые с учетом их доходов в западных обществах традиционно относятся к условному среднему классу, в России, являясь нижними среднедоходными слоями, скорее балансируют на грани малообеспеченности. При этом положение нижних и верхних среднедоходных групп принципиально различается. Они не просто имеют разный доход, но именно между ними пролегает граница, разделяющая благополучную и уязвимую части населения. Отчасти это связано с относительной локализацией в составе нижних среднедоходных слоев значительной доли неработающих пенсионеров, зависимых от государственной социальной поддержки. Однако отягощающими положение этой группы населения факторами выступают и иные социально-демографические характеристики помимо пенсионного статуса: связанные с ним возраст, состояние здоровья, а также место проживания.

Родственные связи – в целом надежный ресурс страхования социально-экономических рисков для россиян, но для нижних среднедоходных групп его использование ограничено как скудными возможностями родственных сетей, так и его зависимостью от отношений между родственниками. Ситуацию несколько балансирует то, что собственные домохозяйства среднедоходных россиян, хотя и отличаются повышенной иждивенческой нагрузкой, имеют такую ее структуру, в которой наличие детей и студентов, не поддерживаемых весомыми социальными трансфертами, уравновешивается пенсионерами, получающими пенсионные выплаты (особенно в сельской местности). Впрочем, масштабы иждивенческой нагрузки также сближают нижние среднедоходные группы скорее с низкодоходными, чем с верхним сегментом среднедоходных слоев.

В целом интегрированность представителей среднедоходных слоев населения в систему мер социальной поддержки хорошо заметна, в первую очередь, за счет пенсионных выплат, но является недостаточной как минимум в отношении нижнего сегмента этой группы. В этих условиях семейная политика по компенсации материальных рисков, связанных с наличием детей, видится важным и целесообразным инструментом регулирования ситуации. Отвечая на вынесенный в заголовок статьи вопрос, можно сказать, что для обеих подгрупп среднедоходных слоев населения семья связана с риском низкого материального статуса, в основном за счет иждивенческой нагрузки. Степень этого риска несколько сглаживается для нижней части этой группы за счет интегрированности в систему мер государственной социальной поддержки, а для верхней – общими ресурсами семьи, уровень которых в целом позволяет смягчать социально-экономическую нестабильность.

Выражения благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16–23–21001, рук. проекта – П. М. Козырева.

Список источников

Бобков В. Н. (2009) Методологический подход Всероссийского центра уровня жизни к изучению и оценке качества и уровня жизни населения. *Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление*, (2): 26–36.

Варламова С. Н., Носкова А. В., Седова Н. Н. (2006) Семья и дети в жизненных установках россиян. *Социологические исследования*, (11): 61–73.

Лежнина Ю. П. (2016) Институт семьи в России: на пути трансформации. *Социологическая наука и социальная практика*, (2): 70–90.

Митрикас А. А. (2004) Семья как ценность: состояние и перспективы ценностного выбора в странах Европы. *Социологические исследования*, (5): 65–72.

Можина М. А. (2001) *Распределительные отношения: доходы и потребление населения (из научного наследия)*, М.: Гайнуллин.

Овчарова Л. Н., Бирюкова С. С., Селезнева Е. В., Абанокова К. Р. (2017) *Доходы, расходы и социальное самочувствие населения России в 2012–2016 годах: аналит. докл. к XVIII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 11–14 апр. 2017 г.*, М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.

Хахулина Л. А., Тучек М. (1995) Распределение доходов: бедные и богатые в пост-социалистических обществах (некоторые результаты сравнительного анализа). *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (1): 18–22.

Шевяков А. Ю. (2010) Социальное неравенство: тормоз экономического и демографического роста. *Уровень жизни населения регионов России*, (5): 38–52.

Anikin V. A., Lezhnina Y. P., Mareeva S., Slobodenyuk E. D., Tikhonova N. E. (2016) *Income Stratification: Key Approaches and Their Application to Russia*. NRU HSE. Series WP BRP/PSP 'Public and Social Policy'. No. WP BRP 02/PSP/2016.

Atkinson A., Brandolini A. (2013) On the Identification of the Middle Class. J. Gornick, M. Jäntti (eds.) *Income Inequality: Economic Disparities and the Middle Class in Affluent Countries*, Stanford, CA: Stanford University Press: 77–100.

Birdsall N., Graham C., Pettinato S. (2000) Stuck in Tunnel: Is Globalization Muddling the Middle? *Center on Social and Economic Dynamics Working Paper*, 14.

Blackburn M., Bloom D. (1985) What is Happening to the Middle Class? *American Demographics*, 7 (1): 18–25.

Brzezinski M. (2010) Income Affluence in Poland. *Social Indicators Research*, (99): 285–299.

Chauvel L. (2013) Welfare Regimes, Cohorts and the Middle Classes. J. Gornick, M. Jäntti (eds.) *Income Inequality: Economic Disparities and the Middle Class in Affluent Countries*, Stanford, CA: Stanford University Press: 115–141.

Danziger S., Gottschalk P., Smolensky E. (1989) How the Rich Have Fared, 1973–87. Papers and Proceedings of the 101st Annual Meeting of the American Economic Association. New York. December 28–30, 1988. *The American Economic Review*, 79 (2): 310–314.

Davis J., Huston J. H. (1992) The Shrinking Middle-Income Class: A Multivariate Analysis. *Eastern Economic Journal*, 18 (3): 277–85.

Fry R., Kochhar R. (2016) Are You in the American Middle Class? Find out with Our Income Calculator. *Factank. News in the numbers*. Доступно по ссылке: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/05/11/are-you-in-the-american-middle-class/> (accessed: 13 December 2016).

Grabka M., Frick J. (2008) The Shrinking German Middle Class – Signs of Long-Term Polarization in Disposable Income? *DIW Berlin Weekly Report*, 4 (4): 21–27.

Hirschl T., Altobelli J., Rank M. (2001) Affluence and Marriage: How Likely, How Often? *Working Paper Series, Center for the Study of Inequality*, Cornell University.

Kangas O. (2001) For Better or for Worse: Economic Positions of the Rich and the Poor 1985–1995. *Luxembourg Income Study Working Paper*.

Peichl A., Schaefer T., Scheicher C. (2010) Measuring Richness and Poverty: A Micro Data Application to Europe and Germany. *Review of Income and Wealth*, 56 (3): 597–619.

Pressman S. (2007) The Decline of the Middle Class: An International Perspective. *Journal of Economic Issues*, 41 (1): 181–200.

Pressman S., Scott R. H. (2009) Who are the Debt Poor? *Journal of Economic Issues*, 43(2): 423–432.

Thurow L. (1987) A Surge in Inequality. *Scientific American*, 256 (5): 30–37.

MIDDLE-INCOME FAMILIES IN RUSSIA: COMPARING DOMESTIC SUPPORT AND EXPOSURE TO RISK

The article is based on the monitoring data of Institute of Sociology RAS, 2016. It examines the socio-demographic characteristics of middle-income groups and pays attention to household characteristics in terms of the potential risks of economic instability. Middle-income groups are determined according to relative measuring of social stratification through comparing average household income with the country median of this indicator. It is shown that the middle-income strata, being heterogeneous, are divided into two fundamentally separate groups with remarkably different levels of exposure to economic risks. Moreover, the conditional division of the population as a whole lies between these two groups. The lower part of this strata, despite their income meeting the 'national average' level, is on the verge of vulnerability, and, thus, is sensitive to socio-economic instability. Its socio-demographic factors, including family structure (high dependency ratio, large percentage of non-working pensioners, etc.), cause additional risks. The upper segment of the middle-income strata is in a much more favourable situation not only according to incomes, but also due the fact they enjoy relatively stable positions in the labour market. It is shown that having a family entails an additional risk of low status for both subgroups of middle-income Russians, something that is primarily due to the dependency load. The degree of this risk is slightly mitigated for the lower segment of the strata because they are better integrated into social support systems. For the upper segment of the strata, the general resources of the family play this role. The extended family can be seen as a possible resource of support for the middle-income groups, but this is limited by the objective capabilities of related networks and the nature of the relationships. In this regard, the potential of support for the lower segment of the middle-income group is significantly lower than for the upper one, and this increases the differentiation of their position during crisis.

Keywords: middle-income groups, vulnerable population groups, family, dependency ratio

DOI: 10.17323/727-0634-2017-15-3-435-452

References

Anikin V. A., Lezhnina Y. P., Mareeva S., Slobodenyuk E. D., Tikhonova N. E. (2016) Income Stratification: Key Approaches and Their Application to Russia. *NRU HSE. Series WP BRP/PSP*. No. WP BRP 02/PSP/2016.

Yulia Pavlovna Lezhnina – Kandidat Nauk (PhD) in Sociology, Senior Researcher, Institute for Social Policy, National Research University Higher School of Economics, Institute of Sociology, Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation. Email: lezhnina@list.ru

Atkinson A., Brandolini A. (2013) On the Identification of the Middle Class, J. Gornick, M. Jäntti (eds.) *Income Inequality: Economic Disparities and the Middle Class in Affluent Countries*, Stanford, CA: Stanford University Press: 77–100.

Birdsall N., Graham C., Pettinato S. (2000) Stuck in Tunnel: Is Globalization Muddling the Middle? *Center on Social and Economic Dynamics Working Paper*, 14.

Blackburn M., Bloom D. (1985) What is Happening to the Middle Class? *American Demographics*, 7 (1): 18–25.

Bobkov V.N. (2009) Metodologicheskij podkhod Vserossiyskogo tsentra urovnya zhizni k izucheniyu i otsenke kachestva i urovnya zhizni naseleniya. [Methodological Approach of all-Russian Center for Living Standards to the Research and Evaluation of Quality and Standard of Living]. *Vestnik VGU. Seriya: Ekonomika i upravlenie* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management], (2): 26–36.

Brzezinski M. (2010) Income Affluence in Poland. *Social Indicators Research*, 99: 285–299.

Chauvel L. (2013) Welfare Regimes, Cohorts and the Middle Classes, J. Gornick, M. Jäntti (eds.) *Income Inequality: Economic Disparities and the Middle Class in Affluent Countries*, Stanford, CA: Stanford University Press: 115–141.

Danziger S., Gottschalk P., Smolensky E. (1989) How the Rich Have Fared, 1973–87. Papers and Proceedings of the 101st Annual Meeting of the American Economic Association. New York. December 28–30, 1988. *The American Economic Review*, 79 (2): 310–314.

Davis J., Huston J. H. (1992) The Shrinking Middle-Income Class: A Multivariate Analysis. *Eastern Economic Journal*, 18 (3): 277–85.

Fry R., Kochhar R. (2016) Are you in the American Middle Class? Find Out with Our Income Calculator. *Factank. News in the numbers*. Available at: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/05/11/are-you-in-the-american-middle-class/> (accessed: 13 December 2016).

Grabka M., Frick J. (2008) The Shrinking German Middle Class – Signs of Long-Term Polarization in Disposable Income? *DIW Berlin Weekly Report*, 4 (4): 21–27.

Hirschl T., Altobelli J., Rank M. (2001) Affluence and Marriage: How Likely, How Often? *Working Paper Series, Center for the Study of Inequality*, Cornell University.

Kangas O. (2001) For Better or for Worse: Economic Positions of the Rich and the Poor 1985–1995. *Luxembourg Income Study Working Paper*, 248.

Khakhulina L. A., Tuchek M. (1995) Raspredelenie dokhodov: bednye i bogatyje v postsotsialisticheskikh obshchestvakh (nekotorye rezul'taty sravnitel'nogo analiza) [Income Distribution: Poor and Rich in Post-Socialist Societies (Some Results of Comparative Analysis)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal], (1): 18–22.

Lezhnina Ju. P. (2016) Institut sem'i v Rossii: na puti transformacii [Family as an Institute in Russia: on the Way to Transformation]. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika* [Sociological Science and Social Practice], (2): 70–90.

Mitrikas A. A. (2004) Sem'ja kak cennost': sostojanie i perspektivy cennostnogo vybora v stranah Evropy [Family as a Value: Condition and Perspectives of the Value Choice in European Countries]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], (5): 65–72.

Mozhina M. A. (2001) *Raspredelitel'nye otnosheniya: dokhody i potreblenie naseleniya (iz nauchnogo naslediya)* [Distributive Relations: Population Incomes and Consumption (From Scientific Heritage)], Moscow: Gaynullin.

Ovcharova L. N., Biryukova S. S., Selezneva E. V., Abanokova K. R. (2017) *Dokhody, ras-khody i sotsial'noe samochuvstvie naseleniya Rossii v 2012–2016 godakh: analit. dokl. k XVIII Apr. mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, Moskva, 11–14 apr. 2017 g.* [Incomes, Expenses and Social Well-Being of Russian Population in 2012–2016: Analytical Report for the XVIII April International Scientific Conference on the Problems of Economic Development and Society, Moscow, 11–14 April. 2017], Moscow: Izdatel'skiy dom NIU VShE.

Peichl A., Schaefer T., Scheicher C. (2010) Measuring Richness and Poverty: A Micro Data Application to Europe and Germany. *Review of Income and Wealth*, 56 (3): 597–619.

Pressman S. (2007) The Decline of the Middle Class: An International Perspective. *Journal of Economic Issues*, 41 (1): 181–200.

Pressman S., Scott R. H. (2009) Who are the Debt Poor? *Journal of Economic Issues*, 43 (2): 423–432.

Shevyakov A. Yu. (2010) Sotsial'noe neravenstvo: tormoz ekonomicheskogo i demograficheskogo rosta. [Social Inequality: The Brake of Economic and Demographic Growth]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of Russia's regions], (5): 38–52.

Thurow L. (1987) A Surge in Inequality. *Scientific American*, 256 (5): 30–37.

Varlamova S. N., Noskova A. V., Sedova N. N. (2006) Sem'ja i deti v zhiznennykh ustanovkakh rossijan [Family and Children in Life Values of Russians]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], (11): 61–73.